

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОФИЦИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИБИРИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ?¹

Сергей Андреевич Чернышов –

канд. ист. наук, старший научный сотрудник,

Национальный исследовательский Томский

государственный университет,

e-mail: 1502911@mail.ru,

РФ, 634050, г. Томск, ул. Ленина, 34.

Аннотация. В настоящем исследовании проводится анализ попыток официальной интерпретации присоединения Сибири к Русскому государству в коммуникативных практиках московского правительства. Делается вывод, что только в дипломатической переписке и отдельных грамотах официальная Москва формулирует интерпретации некоторых аспектов «Сибирского взятия», тогда как стройная реконструкция событий так и не появляется. В результате присоединение Сибири остается одним из немногих системообразующих эпизодов отечественной истории, не вписанных в пантеон ретроспективного конструирования стройной исторической линии развития российской государственности, и не имеющих системного официального коммуникативного оформления.

Ключевые слова: присоединение Сибири, Иван Грозный, взятие Казани, историческая память, Строгановы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60002\19

Is there an official version of the annexation of Siberia to the Russian state?

Sergei A. Chernyshov – candidate of historical sciences,
senior researcher, National Research Tomsk State University,
e-mail: 1502911@mail.ru
34 Lenina str., Tomsk, 634050, Russian Federation

Abstract. The study analyzes attempts to officially interpret the annexation of Siberia to the Russian state in the communication practices of the Moscow government. It is concluded that official Moscow formulates interpretations of some aspects of the “Siberian capture” only in diplomatic correspondence and individual letters, while a harmonious reconstruction of events does not appear. As a result, the annexation of Siberia remains one of the few backbone episodes of Russian history that are not inscribed in the pantheon of retrospective construction of a coherent historical line of development of Russian statehood, and do not have a systemic official communicative design.

Keywords: annexation of Siberia, Ivan the Terrible, capture of Kazan, historical memory, Stroganovs

Фиксация официальных дискурсов о системообразующих событиях социально-политической истории — одна из ключевых составляющих коммуникативного оформления формальной «правительственной» историографии и ретроспективного конструирования стройной исторической линии развития существующего политического режима. Ключевые события истории непременно вписываются в общий ряд великих побед и героических завоеваний государства, его правителей и обобщенного «народа» в целом, формируя внутренне непротиворечивую «летопись» жизни того или иного политического союза. В этой «летописи» событий особо упоминаются и специфически интерпретируются одни факты и целенаправленно «забываются» другие — это непреложный закон любой официальной реконструкции исторических процессов. Исходя из этого, ключевые

события отечественной истории, вписанные в общенациональный пантеон, непременно должны быть комплексно описаны и интерпретированы в официальной правительственной историографии: как и почему случилось это событие, каковы его основные герои, как оно повлияло на общий ход исторического развития государства — эти и другие аналогичные вопросы являются неперенными реквизитами подобных событий.

Хорошим примером здесь является покорение Казанского ханства русским царем Иваном Грозным. Это могло бы остаться рядовым историческим событием отечественной истории середины XVI в., однако официальные коммуникативные практики довольно скоро превратили его в один из ключевых эпизодов, имеющих для Русского государства едва ли не цивилизационное значение. Интерпретация и легитимизация присоединения Казанского ханства появляется «для широкого пользования» буквально сразу же после случившегося, в речи митрополита Макария, встречающего Ивана Грозного из похода на Волгу: «великому князю Владимиру, просветившему Рускую землю святмъ крещениемъ, и многихъ иноплемнныхъ победить, достохвальному же великому князю Димитрию на Дону варвары победить, и святому Александру Невьскому Латынь победить. Но тебе же ... превзыде свыше Божиа благодать: царствующий градъ Казанский со всеми окрестными тебе дарова»². Таким образом, взятие Казани вписывается в один ряд с ключевыми победами Русского государства. Более того, завоевание татарского ханства мыслится как эквивалент взятия Царьграда, что является (в логике современников) де-факто подтверждением овладения «царственной силой» - по аналогии с приобретением таковой князем Владимиром после взятия греческого Корсуня³.

Казалось бы, присоединение Сибири к Русскому государству, начатое в конце XVI в. с завоевания Сибирского ханства, должно стать для официальной реконструкции отечественной истории не менее важным эпизодом, чем взятие

² Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 13. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1904. С. 226.

³ Виролайнен М.Н. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб: Амфора, 2007. С. 171.

Казани. Сложно переоценить, какую роль Сибирь сыграла не только в экономической жизни страны (скажем, в первой половине XVII в. доходы от сибирской пушнины формировали в некоторые периоды до трети всех доходов государственной казны), но и в ее «самоощущении» как огромной евразийской державы.

Однако в реальности в официальной переписке присоединение Сибири появляется не как героический эпизод, а в контексте печально знаменитого «опального» письма Ивана Грозного в вотчины Строгановых в 1582 году: «а не вышлете изъ остроговъ своихъ в Пермь волжскихъ казаковъ, Атамана Ермака Тимофеева.... Намъ въ томъ на васъ опала своя положить большая»⁴. Это обстоятельство неизбежно ставит перед нами вопрос: существовала ли официальная версия присоединения Сибири к Русскому государству? И если существует, то как она интерпретирует это присоединение?

Первые попытки комплексной интерпретации «Сибирского взятия» в официальных коммуникативных практиках мы встречаем в дипломатических сношениях московского правительства и европейских государей. Например, уже в августе 1585 года (заметим особо – всего через три года после «опальной грамоты» Ивана Грозного Строгановым), в инструкции русским послам в Швецию, формируется следующая официальная позиция относительно событий в Зауралье (приведем здесь пространную цитату, поскольку в ней содержится максимально полная и логически стройная интерпретация событий:

«имъ в розговорахъ про Сибирь гоорити, что на Сибирскомъ царстве цари сидели ихъ рукъ государей нашихъ прежнихъ и дань давали государям нашимъ, а последней Сибирской Кучюмъ царь посаженникъ был на Сибири изъ рукъ государя нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и повороваль, и не почаль был государевы дани платити (...) и государь нашъ (...) позволилъ на Сибирь идти казакомъ, и казаки государевы, исх Перми шодъ, Сибирское царство взяли, и Сибирский царь Кучюмъ убежал в

⁴ Кузнецов Е.В. Библиография Ермака. Тобольск, 1891. С. 5.

поле, и ныне государь на него послалъ рать свою; а племянник Кучюмовъ Маметкуль царевичъ собрався съ людбми приходилъ въ Сибирь (...) и государевы люди (...) больше десяти тысячъ побили. (...) А царство Сибирское великое по Оби реке верст на две тысячи и болии, а городовъ в ней до семидесяти; и ныне Сибирское царство в государевой воле»»⁵.

Аналогичные инструкции (с незначительно отличающимися интерпретациями) появляются в 1600 году для постов в Англию⁶, и далее в фактически неизменном виде появляются в дипломатических сношениях с другими странами. Итак, для европейских послов московское правительство формирует следующую стройную версию присоединения Сибири. Сибирское ханство – это с давних времен зависимое от Москвы политическое образование, власть ханов в котором имеет единственный источник легитимности – волю русского царя. Один из ханов (Кучум) решил нарушить прежние договоренности, за что и был наказан русским воинством с полного позволения московского царя, и с тех пор Сибирское ханство – вновь полностью зависимая от Москвы территория.

Эта версия действительно довольно стройная, однако есть два важных замечания. Во-первых, она предназначена для «внешнего пользования» и решает очевидно совершенно специфические задачи московской дипломатии, анализ которых не является задачей настоящего исследования. Во-вторых, даже если предположить, что аналогичные идеи использовались и для «внутреннего пользования», такая интерпретация имеет «тактический» характер, объясняя легитимность конкретной военной операции, однако в ней совершенно отсутствует объяснение ключевых вопросов о целях и значении «Сибирского взятия». К тому же детали этой версии еще и не являются стабильными. Скажем, уже в 1598 году, в «Повести о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича», написанной в январе 1598 года (автор – патриарх Иов), лавры присоединения Сибири

⁵ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 129 : Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством: Ч. 1: 1556 - 1586 гг. СПб.: [Б. и.], 1910. С. 414.

⁶ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 38. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией с 1581 по 1604 год. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. С. 296.

приписываются уже преемнику Грозного, а не ему самому: «Сибирскую страну всю и живущих в ней злочестивых сыроядцев себе рабы сотвори и всюю землею их облада...»⁷.

Первой сколько-нибудь системной попыткой интерпретировать присоединение Сибири к Русскому государству в контексте «большой» национальной истории следует признать деятельность сибирского архиепископа Киприана по созданию локального церковного сонма Ермака и его дружины. Так, уже в 1636 году общегосударственное прославление казаков утверждается царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом, и в том же году составляется Есиповская летопись, где казаки, в том числе, прославляются за подвиг приведения «бессурманской» Сибири к христианству. Казаки в повести – «избранники Бога, исполнители его воли, верные слуги царя»⁸. Таким образом, Церковь первой сформулировала стройную интерпретирующую концепцию похода Ермака как русской версии «крестового похода» против «неверных» = хотя бы и через полвека после начала присоединения Сибири.

Еще почти через полвека в деле присоединения Сибири наконец официально признаются заслуги рода Строгановых, которым конечно же нет места в «церковно-государственнической» версии случившегося. Роль Строгановых в «Сибирском взятии» впервые фиксируется как позитивная в 1673 году, в грамоте царя Алексея Михайловича Григорию Дмитриевичу Строганову: «да прадед его Григория (Семен Аникеевич), служа и радея предкам нашим, призвал с Волги атаманов и казаков Ермака с товарищи в свои вотчины и на помощь ему ратных многих людей наймовал и всему войску помощь чинил, и деньги, и платье, и боевое ружье... И того прадеда его радением и посылкой Сибирское государство взяли и Татар и Остяков и Вогулич под нашу высокую руку привели»⁹. Практически в таком же виде этот концепт попал и в грамоту Петра I, датированную 25 июля 1692 года.

⁷ Морозова Л.Е. Смута начала XVII века в сочинениях современников. М.: Кучково поле, 2017. С. 34

⁸ Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 36, ч. 1. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. С. 50.

⁹ Волегов Ф.А. Родословная господ Строгановых. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1895. С. 6.

Только к середине XVIII века относятся первые попытки академического изучения Сибири и, как следствие, попытки сформулировать официальную «научную» версию присоединения территорий за Уралом. Интересная дискуссия на эту тему произошла на эту тему произошла 3 и 6 июня 1748 года в историческом собрании Академии наук, в протоколах которого упомянуто следующее: «господин профессор Ломоносов мнит, что подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал Сибирь или для всероссийского самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ею всероссийскому монарху того раде, буде оные рассуждения, которые об его делах с некоторым похулением написаны, не могут быть применены, лучше их выкинуть»¹⁰. Таким образом, следует зафиксировать, что к середине XVIII в. присоединение Сибири мыслится как государственное деяние, однако мотивы этого деяния все также остаются нераскрытыми.

Примечательно, что такое удивительное невнимание к присоединению Сибири характерно не только для столиц, но и для локальной историографии и исторической памяти даже на тех территориях, которые, казалось бы, должны мыслить поход Ермака как системообразующий факт собственной истории. Так, в материалах архивов Чердыни, Соликамска, Кунгура, даже Перми и Екатеринбурга за XVIII – XIX вв. начитывается всего около десятка тематических записей. Это обстоятельство с некоторым прискорбием фиксирует управляющий пермскими именьями Строгановых Ф.А. Волегов в 1830-е годы, отправляя десятки запросов в уральские города и заводы о Строгановых и Ермаке, на которые ему традиционно отвечают, что никаких сведений об этом нет¹¹.

Еще один характерный эпизод того же времени. В 1833 году в письме управляющему Пермским имением Строгановых Ф.А. Волегову князь Василий Голицын упоминает о готовящемся историческом романе «Ермак» и просит прислать сведения об описываемых событиях. Аргументация автора письма характерна для того времени, он пишет: «я думаю вам известно, что одно из самых

¹⁰ Введенский А.А. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири // Исторический сборник Киевского государственного университета. 1949. №2. С. 44.

¹¹ ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 16. Л. 16

темных мест в Русской истории есть завоевание Сибири»¹². Действительно, через 250 лет после произошедших событий, и через столетие после начала академического изучения Сибири ответов на ключевые вопросы так и не было. В дальнейшем за интерпретацию покорения Сибири особенно активно берется локальная историческая память, реконструируя, прежде всего, героический образ Ермака и его дружины, а также «народный» характер присоединения Сибири – во многом успех подобных реконструкций связан как раз с отсутствием официальной версии присоединения Сибири, оставляющим значительное пространство для творчества¹³.

Таким образом, эпизод присоединения Сибири, с точки зрения коммуникационного оформления, не похож ни на один из других эпизодов продвижения Русского государства на восток, а также ни на одну из других официальных реконструкций ключевых для отечественной истории эпизодов. Московское правительство так нигде и не зафиксировало официальную версию «для внутреннего потребления» (стройная легенда, решающая тактические задачи, присутствует только в дипломатической переписке). В результате покорение Сибири системно не связывается напрямую с каким-либо царем или знатным полководцем, не имеет стройного официального коммуникационного оформления и не вписано в пантеон героических событий отечественной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 16. Л. 16
2. Введенский А.А. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири // Исторический сборник Киевского государственного университета. 1949. №2. С. 5-44.
3. Виролайнен М.Н. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб: Амфора, 2007. 495 с.

¹² ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 16. Л. 16

¹³ Чернышов С.А. Конструирование образа Ермака в конце XVI–XVII веках: официальная, церковная и народная практики // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 40–46.

4. Волегов Ф.А. Родословная господ Строгановых. Пермь : Типография П.Ф. Каменского, 1895. 24 с.
5. Кузнецов Е.В. Библиография Ермака. Тобольск, 1891. 34 с.
6. Морозова Л.Е. Смута начала XVII века в сочинениях современников. М.: Кучково поле, 2017. 654 с.
7. Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 13. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904. 532 с.
8. Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 36, ч. 1. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 381 с.
9. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 129: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством: Ч. 1: 1556 - 1586 гг. СПб.: [Б. и.], 1910. 585 с.
10. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 38. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией с 1581 по 1604 год. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. 493 с.
11. Чернышов С.А. Конструирование образа Ермака в конце XVI–XVII веках: официальная, церковная и народная практики // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 40–46.

References

1. GАРK [State Archive of Perm region]. Stock 672. List 1. Dos. 16 (In Russ.)
2. Vvedensky A.A. Stroganovs, Ermak and the conquest of Siberia // Istoricheskiy sbornik Kiyevskogo gosudarstvennogo universiteta. 1949. No. 2. pp. 5-44. (In Russ.)
3. Virolainen M.N. Historical metamorphoses of Russian literature. St. Petersburg: Amphora, 2007. 495 p. (In Russ.)

4. Volegov F.A. Pedigree of the Stroganovs. Perm: Printing house P.F. Kamensky, 1895. 24 p. (In Russ.)
5. Kuznetsov E.V. Bibliography of Yermak. Tobolsk, 1891. 34 p. (In Russ.)
6. Morozova L.E. Troubles at the beginning of the 17th century in the writings of contemporaries. M.: Kuchkovo Pole, 2017. 654 p. (In Russ.)
7. Complete collection of Russian chronicles: in 43 volumes. Vol. 13. Chronicle collection, called the patriarchal or Nikon chronicle. SPb.: Type. I. N. Skorokhodova, 1904. 532 p. (In Russ.)
8. Complete collection of Russian chronicles: in 43 volumes. T. 36, part 1. Siberian Chronicles. Group of the Esipov Chronicle. M.: Nauka, 1987. 381 p. (In Russ.)
9. Collection of the Imperial Russian Historical Society. V 148 v. T. 129: Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers: Monuments of diplomatic relations of the Muscovite state with the Swedish state: Part 1: 1556 - 1586. SPb.: [B. and.], 1910. 585 p. (In Russ.)
10. Collection of the Imperial Russian Historical Society. In 148 vols. Vol. 38. Monuments of diplomatic relations between ancient Russia and foreign powers. Vol. 2: Monuments of the diplomatic relations of the Moscow state with England from 1581 to 1604. SPb.: Type. V. S. Balasheva, 1883. 493 p. (In Russ.)
11. Chernyshov S.A. Construction of the image of Yermak at the end of the 16th–17th centuries: official, church and folk practices // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost. 2021. V. 6, No. 4. pp. 40–46. (In Russ.)